

ая по небу летала, и мотыжка, которая с

Давным-давно жила в деревне старуха с сыном, один он у нее был, и звали его Чжан Цай. Совсем от нужды извелись горемыки — утром поедят, вечером голодные сидят. И вот однажды, когда в доме и рисинки не осталось, говорит Чжан Цай матери:

— И в Хуанхэ вода прозрачной бывает, не верю я, что бедняку счастья не видать.

Сказал так юноша, в горы за хворостом отправился. Пришел он в горы, хвороста вязанку нарубил. Видит — полдень скоро, голод да усталость его одолели, лег он прямо на землю и уснул сладко-сладко. Привиделся ему во сне старец, борода белая, в руке посох.

Говорит старец:

— Извела вас с матерью нужда, приходи, Чжан Цай, ко мне, за южную гору, я тебе денег дам.

Проснулся юноша, думает: «Разве можно снам верить?» Повернулся на другой бок, снова заснул. А старик возьми да опять явись ему во сне. Три раза засыпал юноша, три раза старец ему во сне являлся. И решил юноша: «Схожу-ка я туда, погляжу, верить снам или не верить».

Отправился юноша в путь. Какой дорогой велел ему старец, той и пошел. Миновал одну гору, потом другую, на третью залез, четвертую одолел. До Южной горы дошел. Высокая она да крутая, целый день на нее взбирался, проголодается — дикие плоды да коренья ест, только к вечеру до вершины добрался, когда солнце за гору село. Глянул вниз — ай-я! Сколько там домов! И все новые! Обрадовался юноша, со всех ног вниз помчался. Подошел к деревне, смотрит — старик белобородый навстречу выходит, тот самый, которого он во сне видел.

Говорит старик:

— Давно я тебя жду. Заходи в дом поскорее.

Вошел Чжан Цай вслед за стариком в ворота, а там красота такая, что и не рассказать: трава свежая, деревья молодые. Усадил старик юношу в зале, где гостей потчуют, велел домочадцам вина да закусок принести. Наелся Чжан Цай досыта. Повел его старик спать. Подстилка новая, одеяло новое, мягко, тепло. Заснул Чжан Цай, только белым днем проснулся. Уходить собрался. Не держит его старик, шляпу соломенную вытащил, мотыжку маленькую юноше подарил, пошел его провожать. Только они за ворота вышли, двор и дома, деревня — все исчезло. Взял Чжан Цай подарки, пошел дорогу искать, по которой сюда пришел. Добрался до того места, где хворост рубил, хотел еще наломать, в деревне продать. Взял мотыжку, размахнулся, в землю всадил. Смотрит — диво дивное! В том месте, где мотыжка в землю вошла, серебро блестит. Запрятал он под халат серебро, сколько влезло, да еще под куртку, радостный домой воротился. Старую мать увидал, распахнул халат и говорит:

— Погляди-ка, мать, сколько серебра!

Сказал так и стал белое блестящее серебро выкладывать. Осерчала старая и говорит:

— Скажи правду, сынок, где ты взял это серебро — украл или на дороге нашел? Пусть мы бедные, но должны быть честными.

Услыхал это Чжан Цай, быстро из-за пояса мотыжку вытащил и говорит:

— Видишь эту мотыжку? Ей цены нет! Копнешь — из земли серебро покажется!

Рассказал юноша матери все по порядку, от корешка, как говорится, до самой макушки.

Обрадовалась старая. И зажили они счастливо. День ото дня все лучше да лучше. Сердце у матери и у сына доброе, делятся они серебром с соседями, а те и не знают, как их благодарить.

Жил в той деревне помещик по прозвищу Шэн Лай-цзи — Вынь-Да-Отдай. Услыхал он однажды про волшебную мотыжку да про серебро, глаза разгорелись, сердце стучит. Решил он ту мотыжку обманом заполучить, недоброе замыслил.

Собрался как-то Чжан Цай на базар за покупками, взял тележку и пошел. Шел, шел, вдруг видит

— девушка на дороге. Лицо круглое, брови изогнутые. Посмотрела она на Чжан Цая и говорит:

— Притомилась я. Подвези, сделай милость!

Согласился юноша. Села девушка в тележку, болтает без умолку. Увидела, что у Чжан Цая на лбу пот выступил, платок ему свой бросила. Пришли они на базар, прощаться стали. Девушка его долгим взглядом подарила и улыбкой.

Воротился Чжан Цай домой, все о девушке думает. Идет он как-то мимо помещичьих ворот, вдруг слышит — калитка скрипнула, со двора девушка вышла. Глянул на нее Чжан Цай — так ведь эта та самая девушка, которую он на тележке вез. Смекнул он тут, что это дочь помещика, и материны слова вспомнил: «Только свяжись с помещиком, он и после смерти две шкуры сдерет!» Вся любовь у юноши мигом прошла, поспешил он убраться, а девушка калитку прикрыла, так и сияет улыбкой, за юношей следом идет, приговаривает:

— Я не тигр, я не волк, не беги от меня!

Подошла она к юноше, улыбнулась и говорит:

— С той поры как мы встретились, дня не проходит, чтоб я о тебе не думала. Коли хочешь, давай мужем и женой станем.

Глядит Чжан Цай на девушку, она будто еще краше стала, и спрашивает ее простодушно:

— А любишь ты меня?

Засмеялась девушка и говорит:

— Как увидела я тебя тогда на дороге, так полюбился ты мне, а то разве стала б я тебе свой платок давать!

Говорит девушка и так и эдак уговаривает, закружилась у юноши голова. Приметила девушка, что в сердце ему запала, и говорит:

— Вижу я, человек ты небогатый. Подожди меня здесь, я мигом вещи соберу да серебра немного прихвачу, чтоб нужды нам с тобой не знать.

Услыхал эти слова Чжан Цай, поверил, что и впрямь полюбила его девушка, и отвечает:

— Не стану тебя обманывать, есть у меня мотыжка волшебная. Копнешь ею землю, из земли серебро появляется.

Покачала девушка головой и говорит:

— Не бывает таких мотыжек.

Засмеялся Чжан Цай, вытащил мотыжку из-за пояса, протянул девушке:

— Не веришь, так погляди!

Не успела девушка в руки мотыжку взять, закрипела калитка, распахнулась, из калитки сам помещик выскочил, дочь во двор втолкнул, а Чжан Цая смерил взглядом и заорал:

— Подлец ты эдакий, хотел мою дочь украсть!

Захлопнул он калитку, засов задвинул.

Остался Чжан Цай без своей мотыжки. Грустно ему и обидно. Отправился он на Южную гору белобородого старца искать. Шел, шел, притомился, у дороги под деревом отдохнуть сел, закрыл глаза, задремал и опять белобородого старца во сне увидел.

Говорит ему старец:

— Не печалься, Чжан Цай, помнишь, я тебе шляпу дал? Той шляпой небо пробуравить можно, куда пожелаешь, туда и отнесет. Да еще от людских глаз скроет.

Воротился юноша домой, взял шляпу-невидимку, поглядел, обрадовался. Поднял ее над головой и говорит:

— Шляпа, шляпа, отнеси меня в терем, в тот, что у помещика на заднем дворе стоит.

Сказал так юноша, надел шляпу, чувствует — подхватило его, в небо подняло. А дочь помещика о ту пору как раз у окошка сидела, на деревья да на цветы любовалась. Вдруг слышит — что-то об пол стукнулось. Это Чжан Цай прямехонько перед ней опустился и говорит:

— Отдай мне мою мотыжку!

Слышит девушка — говорит кто-то, а кто — не видит.

Испугалась и спрашивает:

— Ты кто — злой дух или оборотень?

— Не злой дух я и не оборотень, Чжан Цай я.

Услыхала девушка, что это Чжан Цай, за голову схватилась, плачет и говорит:

— Наконец-то ты пришел, а я день-деньской у окна сижу, про тебя думаю.

Видит юноша, как девушка плачет да убивается, пожалел ее и говорит:

— Закрой глаза и бежим отсюда!

Посадил Чжан Цай девушку на спину, загудел, засвистел ветер. Не успела девушка опомниться, а они уже на землю опустились. Открыла она глаза, смотрит — вода кругом бурлит. Не сказал Чжан Цай шляпе, куда лететь надобно, отнесла она их на остров посреди моря. Ни дома здесь, ни хижины, одни горы. Снял Чжан Цай шляпу, перед девушкой предстал и спрашивает:

— Ты куда мою мотыжку девала?

Отвечает ему девица сладко так да ласково:

— Мотыжку твою я в надежном месте схоронила. Только никак не могла с тобою свидеться. С того дня отец с меня глаз не спускал, караулил. Нынче никто не помешает нам стать мужем и женой.

Ну, а теперь скажи мне правду, как это нас сюда ветер принес?

Поглядел Чжан Цай на девушку и спрашивает:

— А ты впрямь любишь меня, не обманываешь?

— Не обманываю. А то б закричала, когда ты в дом ко мне забрался.

Поверил ей юноша, все рассказал по порядку, шляпу дал поглядеть. Выслушала его девушка, повертела в руках шляпу, ничего не сказала, на голод пожаловалась. Поглядел Чжан Цай по сторонам и говорит:

— Не печалься, видишь, сколько на той горе яблонь? Потерпи малость, я яблочек нарву.

Сказал так юноша, к горе побежал.

Подождала девушка, пока Чжан Цай уйдет подальше, надела шляпу и крикнула:

— Шляпа, шляпа, отнеси меня домой поскорей!

Только сказала она так, тотчас в небо поднялась.

Принесла ее шляпа ни дальше, ни ближе, прямехонько в дом. Юноша меж тем яблочек нарвал, воротился. Смотрит — и девица, и шляпа исчезли. Понял он тут, что на обман попался. А уже темнеть стало. На горах звери лютые завывали, заревели. Страшно Чжан Цаю, и залез он на высокое дерево. Вскорости луна вышла. Сидит Чжан Цай на дереве, смотрит — обезьяна с лисом мимо идут, разговаривают:

Говорит обезьяна:

— Братец лис! Видал? Нам по дороге два дерева попались: одно персиковое, другое сливовое. Так вот знай: кто персиков отведаст — уродиной станет, вроде нас с тобой, а слив поест — человеком обернется, статным да пригожим.

Чжан Цай все слышал от первого до последнего слова.

Наконец светать стало, волки, тигры, барсы — все попрятались. Слез Чжан Цай с дерева, к горе пошел. Вдруг чует — персиками пахнет, вкусно так! Повел он носом и говорит:

— До чего же вкусно пахнет! До чего же сладко пахнет!

Чует юноша, откуда аромат доносится, и пошел в ту сторону. К дереву подошел, а оно все персиками увешано, румяными, сочными, каждый — величиной с кулак. Вспомнил тут юноша слова обезьяны, сразу смекнул, что за дерево. Отломил юноша ветку, на ней два персика, дальше пошел. Вдруг чует — сливой запахло. Отыскал он сливовое дерево, сливы на нем синие, блестящие. Сразу смекнул, что за дерево. Протянул руку, ягоду сорвал, дай, думает, проверю,

правду сказала обезьяна или неправду. Вытер он рукой персик, откусил кусочек, соку — не проглотить! Три раза откусил — нет персика. Стал рот рукой вытирать, смотрит — на руке волосы выросли, на другую поглядел — тоже волосы, щеки потрогал — мохнатые. Противно стало юноше, взял он сливу, давай скорее есть. Посмотрел на руку — волосы все пропали. Вдруг с лица не пропали? Помчался юноша к морю, в чистую воду глянул — хэй! Будто и не он там, а кто-то другой. Уж очень хорош да пригож!

Ночь прошла, схоронился Чжан Цай на дереве, вдруг смотрит — подходит к нему белобородый старец и говорит:

— Хочешь домой? Закрой глаза да ухватись за полу моего халата, только крепко!

Зажмурил Чжан Цай глаза, ухватился за полу халата. Загудел, засвистел ветер. Мига не прошло, а юноша уже дома. Хотел Чжан Цай поблагодарить старика, опомниться не успел, как тот исчез. На пороге мать сидит, плачет горько.

Подошел Чжан Цай к матери, позвал:

— Мама!

На другой день отправился Чжан Цай в сад к помещику. Перемахнул через стену, ветви раздвинул, смотрит — помещичья дочь со своей служанкой цветами любят. Сунул он ветку с персиками промеж других ветвей, тихонько прочь пошел. А девица играла, играла, вдруг чует — запах дивный в нос ей ударил.

Спрашивает она у служанки:

— Откуда это так вкусно пахнет?

Пошла служанка искать, смотрит — персик, подивилась служанка, аж вскрикнула, взяла его, хозяйке принесла. Смотрит девица — дивится. Откуда весной спелому персику взяться? А персик ароматный, свежий. Потекли у девушки слюнки. Не стала она вытирать его, раз, другой, третий откусила — вкусно! Целый персик съела. Вмиг на лице волосы выросли, и на теле тоже, рот вперед вытянулся, глаза, того и гляди, наружу вылезут. Испугалась служанка да как закричит:

— Оборотень, оборотень!

На крик помещик с женой выскочили, смотрят — дочка исчезла куда-то. Шуточное ли дело!

Грохнулись они наземь, насмерть убились.

Услыхал про то Чжан Цай, побежал к помещику, шкафы пооткрывал, лари расписные поотпирал, забрал мотыжку, которая серебро копала, да шляпу, которая по небу летала.